

О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ю. В. НОВОГРАН¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Анализируются и уточняются имеющиеся в научной литературе критерии определения интернациональности фразеологических единиц. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью интернациональной фразеологии в лингвистике и, в частности, в германистике, а также в рамках англо-русской и англо-белорусской фразеологической компаративистики. Рассматриваются предложенные различными учеными критерии интернациональности фразеологизмов, раскрывается авторская позиция по данному вопросу. Установлено, что признак совпадения плана выражения у интернациональных фразеологизмов в разных языках выявляется лишь при их заимствовании в исходной форме, в большинстве же случаев распространение интернациональных фразеологизмов осуществляется способом калькирования. Утверждается, что критерий общего источника происхождения интернациональных фразеологизмов является действенным только для заимствованных фразеологизмов. Отмечается, что интернациональные фразеологические единицы могут получать дополнительные значения в национальных языках, демонстрируя тем самым процессы развития фразеологической полисемии. Установлено, что интернациональность фразеологической единицы подтверждается наличием ее как минимум в трех языках трех языковых групп, принадлежащих одной и той же либо разным языковым семьям. Подчеркивается, что отдельные критерии определения интернациональной фразеологии могут быть необязательными. Практическая ценность работы заключается в возможности использования ее положений и выводов, фактического материала при изучении теории компаративистики, составлении переводных словарей и справочных пособий, в практике межъязыкового перевода, лингводидактике и лингвострановедении.

Ключевые слова: интернациональный фразеологизм; заимствование; калькирование; критерии интернациональности; форма фразеологизма; фразеологическая семантика; фразеологические источники; языковая группа; языковая семья.

АБ КРЫТЭРЫЯХ ВYZНАЧЭННЯ ІНТЭРНАЦЫЯНАЛЬНЫХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ

Ю. В. НАВАГРАН^{1*}

^{1*}Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы,
вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Аналізуюцца і ўдакладняюцца існуючыя ў навуковай літаратуры крытэрыі вызначэння інтэрнацыянальнасці фразеалагічных адзінак. Актуальнасць даследавання абумоўлена недастатковай распрацаванасцю інтэрнацыянальнай фразеалогіі ў лінгвістыцы і, у прыватнасці, у германістыцы, а таксама ў рамках англа-рускай і англа-беларускай фразеалагічнай кампаратывістыкі. Разглядаюцца прапанаваныя рознымі даследчыкамі крытэрыі

Образец цитирования:

Новогран ЮВ. О критериях определения интернациональных фразеологизмов. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;1:46–56.

For citation:

Novogran YV. On the criteria for determining international phraseological units. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;1:46–56. Russian.

Автор:

Юлия Викторовна Новогран – аспирантка кафедры белорусской филологии филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. А. Данилович.

Author:

Yulia V. Novogran, postgraduate student at the department of Belarusian philology, faculty of philology.
julia-novogran93@yandex.ru

інтэрнацыянальнасці фразеалагізмаў, раскрываецца аўтарская пазіцыя па гэтым пытанні. Высветлена, што прыкмета супадзення плана выражэння ў інтэрнацыянальных фразеалагізмаў у розных мовах выяўляецца толькі пры іх запазычанні ў зыходнай форме, у большасці ж выпадкаў распаўсюджванне інтэрнацыянальных фразеалагізмаў ажыццяўляецца спосабам калькавання. Сцвярджаецца, што крытэрыі агульнай крыніцы паходжання інтэрнацыянальных фразеалагізмаў з'яўляецца дзейсным толькі для запазычаных фразеалагізмаў. Адзначаецца, што інтэрнацыянальныя фразеалагічныя адзінкі могуць атрымліваць дадатковыя значэнні ў нацыянальных мовах, дэманструючы тым самым працэсы развіцця фразеалагічнай полісеміі. Устаноўлена, што інтэрнацыянальнасць фразеалагічнай адзінкі пацвярджаецца наяўнасцю яе як мінімум у трох мовах трох моўных груп, якія належаць да адной і той жа альбо да розных моўных сямей. Падкрэсліваецца, што асобныя крытэрыі вызначэння інтэрнацыянальнай фразеалогіі могуць быць неабавязковымі. Практычная каштоўнасць працы заключаецца ў магчымасці выкарыстання яе палажэнняў і высноў, фактычнага матэрыялу пры вывучэнні тэорыі кампаратывістыкі, падрыхтоўцы перакладных слоўнікаў і даведачных дапаможнікаў, у практыцы міжмоўнага перакладу, лінгвадыдактыцы і лінгвакразнаўстве.

Ключавыя словы: інтэрнацыянальны фразеалагізм; запазычанне; калькаванне; крытэрыі інтэрнацыянальнасці; форма фразеалагізма; фразеалагічная семантыка; фразеалагічныя крыніцы; моўная група; моўная сям'я.

ON THE CRITERIA FOR DETERMINING INTERNATIONAL PHRASEOLOGICAL UNITS

Y. V. NOVOGRAN^a

^a*Yanka Kupala State University of Grodno,
22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus*

The aim of the article is to analyze and clarify the criteria available in the scientific literature for determining the internationality of phraseological units. The relevance of this research is substantiated, caused by the lack of development of international phraseology in linguistics and in German studies, as well as in the framework of English-Russian and English-Belarusian phraseological comparative studies. The criteria for internationality of phraseological units proposed by various authors are considered, and their own point of view on this issue is expressed. The criterion of the international phraseological units common expression plan in different languages is established to be detected only when borrowed in the original form. In most cases international phraseological units are distributed by the method of calquing. The criterion of the common origins of international phraseological units is argued to be effective only for borrowed phraseological units. International phraseological units are noted to receive additional meanings in national languages, thus demonstrating the processes of development of phraseological polysemy. It is determined that the internationality of a phraseological unit is confirmed by its presence in at least three languages of three language groups belonging to the same or different language families. Some criteria for determining international phraseology are emphasized to be not mandatory. The practical value of the work consists in the possibility to use its results and factual material for the theory of comparative studies, in the preparation of dictionaries and reference books, in the practice of interlingual translation in language teaching and linguistics.

Keywords: international phraseology; borrowing; calculation; criteria for internationality; form of phraseological units; phraseological semantics; phraseological sources; language group; language family.

Введение

В современной лингвистической литературе, посвященной изучению межъязыковых процессов и явлений, отчетливо прослеживается обширная лакуна в изучении закономерностей сближения фразеологии языков мира. Соответственно, исследование интернациональных фразеологизмов в рамках англо-русской и англо-белорусской фразеологической компаративистики также является фрагментарным и заслуживает отдельного внимания. Этим объясняется актуальность темы данной статьи.

В научной литературе интернациональные фразеологизмы называют по-разному: фразеологические интернационализмы [1], международные фразеологические аналоги [2, с. 53], истинные интернационализмы, ареализмы, регионализмы [3, с. 824–825], европеизмы¹, широко распространенные идиомы [4], интерфраземы, интерфразеологизмы [5], международные устойчивые обороты [6, с. 10] и др.

¹*Fojtů P. Frazelogické internacionalizmy v Ruštině : teze. Olomouc : Univerzita Palackého, 2013. 214 s.*

В настоящем исследовании будут использоваться термины «интернациональный фразеологизм», «интернациональная фразеологическая единица», «фразеологический интернационализм».

Как отмечал Э. М. Солодухо, «при наличии солидной истории изучения интернациональной лексики вопросам фразеологической интернационализации не уделяется должного внимания» [1, с. 5]. По настоящее время в лингвистике нет четкого понимания того, какие фразеологизмы следует считать интернациональными. Многие исследователи (Э. М. Солодухо, И. Я. Лепешев, Н. А. Данилович, Ю. П. Солодуб, Т. М. Шихова, С. Б. Берлизон, П. Фойту, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова и др.) выдвигают различные критерии определения интернациональности фразеологизмов, иногда даже противоречащие друг другу.

Чаще всего лингвисты ограничиваются лишь неконкретными формулировками, указывающими на общность происхождения фразеологизма и присутствие его в нескольких языках. Так, по мнению Л. М. Шиховой, интернациональная фразеологическая единица принадлежит «к общезтимологическому фонду ряда языков, близких по происхождению или сходных по своему историческому развитию» [7, с. 25].

Некоторые исследователи к интернациональным фразеологизмам причисляют устойчивые словосочетания, имеющие тождественный или сходный компонентный состав. Так, Л. А. Нефедова в исследовании фразеологических заимствований в журналистском дискурсе немецкого языка, а также в русском языке, крайне ограничивает состав интернациональных фразеологизмов, исключая из их числа кальки и оставляя только заимствования из одного языка-источника, употребляемые в исходной форме [5, р. 132].

И. Я. Лепешев в исследовании по белорусской фразеологии указывает, что очень многие кальки и полукальки – интернациональные фразеологизмы и они отличаются друг от друга только звучанием и компонентным составом. При этом автор говорит, что для родственных языков свойство разницы в звучании нерелевантно [8, с. 31]. Такого же мнения придерживается Н. А. Данилович, который относит к интернациональным фразеологизмам устойчивые сочетания, одинаковые или близкие по своей лексико-грамматической и семантической структуре [9, с. 124].

Таким образом, целью данной статьи является анализ имеющихся в современной лингвистической литературе критериев интернациональности фразеологических единиц. Необходимо рассмотреть различные подходы к этому вопросу и сделать выводы относительно полноты и целесообразности тех или иных определений.

Результаты и их обсуждение

Анализ отечественных и зарубежных научных источников показывает, что лингвистами предлагается в общей сложности от двух до четырех критериев интернациональности фразеологизмов. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Первый критерий связан с внешней формой фразеологизма, его звучанием и написанием. Материальной узнаваемостью интернационального фразеологизма является подобие его формы в различных языках. Этот признак ученые называют по-разному: одинаковый план выражения [10, с. 14], значительная близость облика [11, с. 287], полное фонографическое сходство [1, с. 25], одинаковый компонентный состав [1, с. 31], одинаковая или близкая лексико-грамматическая структура [9, с. 109].

Принято считать, что фразеологические единицы могут становиться интернациональными в результате фразеологического заимствования. При этом подходы ученых к причислению фразеологических заимствований к интернациональному фонду разнятся.

Например, А. М. Бабкин к интернациональным относит только фразеологические заимствования без перевода, такие как лат. *emento mori* (букв. ‘помни о смерти’) ‘1. Мысль, напоминание о неизбежности смерти. 2. Эмблема смерти’; лат. *habeas corpus* (букв. ‘ты должен иметь тело’) ‘1. Право располагать собой; право неприкосновенности. 2. Основной, самый важный закон’; лат. *rara avis* (букв. ‘редкая птица’) ‘то, что встречается исключительно редко’; лат. *experimentum in corpore (anima) vili* (букв. ‘эксперимент в теле (душе) дешевый’) ‘опыт, предпринимаемый по отношению к таким лицам, с которыми не склонны особо церемониться’; англ. *common law* (букв. ‘общий закон’) ‘неписанный закон; обычай’; фр. *bibliothèque renversée* (букв. ‘живая библиотека’) ‘большой знаток текстов; начетчик’; фр. *mise en scene* (букв. ‘установка на сцене’) ‘внешняя (театральная; эффектная) сторона чего-л.’; нем. *Da ist (liegt) der Hund begraben!* (букв. ‘Здесь собака зарыта!’) ‘в этом суть дела’; итал. *mezzo voce* (букв. ‘половина голоса’) ‘вполголоса (выговаривать, распекать и т. п.)’ [12].

Как видим, фразеологизмы, заимствованные в исходной форме, характеризуются совпадением звучания и транслитерации. И все же, по утверждению ученого, на данные фразеологизмы «налагает отпечаток тот язык, который их усвоил» [12, с. 3]. Они становятся достоянием национальных языков, «приобретая способность грамматического сочетания с контекстом и семантико-стилистические особенности» [2, с. 54]. А. М. Бабкин не исключает факт возникновения транслитерированного варианта

фразеологизма либо его кальки в языке-реципиенте с течением времени. Исследователь приводит русские варианты для многих фразеологических заимствований из латинского языка и некоторых выражений из других языков, однако замечает, что фразеологизмы «международного запаса хотя и ассимилируются заимствующими языками, но сам процесс ассимиляции протекает не так свободно, как при заимствовании иноязычного слова или выражения» [12, с. 3].

Подобно А. М. Бабкину, Н. М. Шанский к фразеологическим заимствованиям в русском языке относит фразеологизмы, без перевода заимствованные, во-первых, из старославянского языка, во-вторых, из западноевропейских языков [13, с. 109]. В качестве примера заимствований из старославянского приводятся фразеологизмы *соль земли* и *исчадие ада*, а *alma mater* (букв. ‘кормящая мать’) ‘университет’ и *modus vivendi* ‘образ жизни’ автор причисляет к заимствованиям без перевода из латинского языка.

Иной точки зрения придерживается Ш. Балли, утверждая, что фразеологизмы «переходят из одного языка в другой почти всегда в виде кальки» [14, с. 70]. К этому склоняется и большинство ученых, считая, что фразеологическое заимствование без перевода составляет всего лишь незначительный процент в интернациональном фразеологическом фонде. Как показывает обзор исследований Э. М. Солодухо, Ю. П. Солодуба, С. Б. Берлизон, И. Я. Лепешева, фразеологизмы, ставшие интернациональными, намного чаще заимствуются из других источников и языков в виде калек либо полукалек.

Относительно высокой отождествляемостью отличаются фразеологические полукальки, характеризующиеся той или иной степенью материального сходства, в которых одна часть калькирована, а другая заимствована без перевода [15, с. 104], например: нем. *Brüderschaft trinken* (букв. ‘брудершафт пить’) – рус. *пить на брудершафт*; фр. *se mettre en rage* (букв. ‘становиться в раж’) – рус. *войти в раж*.

Э. М. Солодухо считает фразеологическое калькирование наиболее продуктивным способом пополнения состава интернациональной фразеологии [1, с. 147]. Под фразеологическими кальками лингвист, как и многие другие ученые [13, с. 116; 15, с. 102; 16, с. 241; 17, с. 142], понимает «точную или измененную передачу лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычных фразеологизмов средствами заимствующего языка» [1, с. 136].

Кальки в пределах языка-реципиента с течением времени претерпевают различные самостоятельные преобразования. Как отмечает Э. М. Солодухо, тенденция к автономному развитию фразеологических калек «может вызывать значительные формальные и семантические перестройки», в процессе ассимиляции фразеологическая калька способна существенно изменить диапазон сочетаемости. Таким образом, по мнению ученого, образуется новая фразеологическая единица. В качестве примера приводится русская фразеологическая калька *до корней волос* французского фразеологизма *jusqu'à la racine des cheveux*. Первоначально она использовалась в значении ‘сильно, целиком, полностью’ и сочеталась не только с глаголом *краснеть*, но и с другими глаголами, впоследствии – только с глаголами *покраснеть*, *вспыхнуть* в значении ‘испытывать, чувствовать стыд’ [1, с. 137].

Также Э. М. Солодухо признает «параллелизм в развитии сочетательных способностей фразеологических калек», способствующий расширению интернационального фразеологического фонда. Например, латинское выражение *ad calendes graecas* (букв. ‘до греческих календ’) является источником калькирования для следующих фразеологизмов: рус. *до греческих календ* – англ. *at (on) the Greek Kalends* (букв. ‘в (на) греческих календах’) – фр. *au calendes gresques* (букв. ‘до греческих календ’) – итал. *para las calendas greche* (букв. ‘до греческих календ’) – исп. *para las calendas griegas* (букв. ‘до греческих календ’) – рум. *la calendele grecești* (букв. ‘до греческих календ’). Все указанные кальки расширили свои сочетательные способности, вследствие чего возникли новые фразеологизмы, которые также стали интернациональными: рус. *откладывать до греческих календ* – англ. *put off to the Greek Kalends* (букв. ‘откладывать к греческим календам’) – фр. *ajourner (remettre, renvoyer) au calendes gresques* (букв. ‘откладывать (откладывать, отсылать) до греческих календ’) – итал. *rimandare (mandare) alle calende greche* (букв. ‘откладывать (отправлять) до греческих календ’) – рум. *a amîna na la calendele grecești* (букв. ‘откладывать до греческих календ’) – исп. *dejar (apartar) para las calendas griegas* (букв. ‘оставить (отложить) до греческих календ’).

По мнению Э. М. Солодухо, «наиболее интенсивное и относительно легкое укоренение фразеологических калек наблюдается при билингвизме» [1, с. 138]. Для структурно близких родственных языков характерно точное калькирование, не сопровождаемое значительными нарушениями норм заимствующих языков.

Ю. П. Солодуб в качестве примера интернационального фразеологизма со сходным планом выражения приводит русский фразеологизм *не видеть дальше своего <собственного> носа* ‘быть исключительно недальновидным, ограниченным, не способным выйти за рамки узких собственных интересов’, присутствующий в 17 языках: укр. *бачити не далі свого <власного> носа* – бел. *не бачыць далей свайго носа* – пол. *nie widzieć dalej swego nosa* (букв. ‘не видеть дальше своего носа’) – чеш. *nevidiet' sie dal*

než špičku nosa (букв. ‘не видеть дальше кончика носа’) – англ. *not see an inch before (beyond) one’s nose* (букв. ‘не видеть и дюйма дальше своего носа’) – тур. *burnunun ötesini görmemek* (букв. ‘не видеть дальше носа’) – исп. *no ver más allá de sus narices* (букв. ‘не видеть дальше своего носа’) – венг. *nem latni tovabb az orranal* (букв. ‘не видеть дальше носа’) и т. д. [10, с. 220–221].

В следующих примерах наблюдается приблизительное, неполное сходство компонентов, имеются лексические и грамматические расхождения: добавление компонентов *an inch* (букв. ‘дюйм’) в англ. *not see an inch before (beyond) one’s nose* (букв. ‘не видеть и дюйма дальше своего носа’) и *špičku* (букв. ‘кончика’) в чеш. *nevidiet’sie dal než špičku nosa* (букв. ‘не видеть дальше кончика носа’); наличие факультативного компонента в рус. *не видеть дальше своего <собственного> носа* и укр. *бачити не далі свого <власного> носа*; опущение компонентов в венг. *nem latni tovabb az orranal* (букв. ‘не видеть дальше носа’) и тур. *burnunun ötesini görmemek* (букв. ‘не видеть дальше носа’). Грамматическое оформление таких фразеологических единиц зависит от структуры языка [10, с. 14].

Таким образом, по мнению ученых, калькированные интернациональные фразеологизмы претерпевают различные изменения в национальных языках. Более того, определение интернациональности фразеологизмов может быть затруднено вследствие полных формальных расхождений. Как показывает проанализированный материал, главной причиной таких расхождений является неодинаковая продуктивность лексем в образовании фразеологизмов. При сильных системных расхождениях языков для определения интернациональности фразеологизма необходимо использовать дополнительные критерии, которые будут описаны ниже.

Результаты анализа позволяют считать более обоснованной точку зрения, согласно которой состав интернационального фразеологического фонда не может сужаться только лишь до фразеологических заимствований без перевода. Ограниченность функционирования таких заимствований вызвана сложностью ассимиляции фразеологизмов, пришедших в другой язык в исконной иноязычной форме. В частности, значительно менее продуктивным является заимствование фразеологических англицизмов славянскими языками из-за того, что их алфавиты отличаются. Многие латинизмы и французские фразеологизмы укоренились, например, в русском языке в связи с определенными историческими событиями, однако в итоге они были калькированы и в иноязычной форме больше не употребляются.

Таким образом, к интернациональным фразеологизмам можно отнести как фразеологические кальки и полукальки, так и заимствования без перевода. Фонографическое сходство при этом будет зависеть от специфики принимающего языка. Следовательно, критерий подобия формы интернациональных фразеологизмов логичнее рассматривать с точки зрения лексических, грамматических и фонетических особенностей языка-реципиента. Полное совпадение плана выражения у интернациональных фразеологизмов выявляется крайне редко, только при заимствовании в исходной форме без перевода, в связи с чем можно говорить лишь о приблизительном подобии внешней формы.

Второй критерий затрагивает источники возникновения фразеологизма. Мнения ученых по данному вопросу расходятся. Одни лингвисты считают обязательным условием причисления фразеологизмов к интернациональному фонду наличие у них общего источника. Так, Т. М. Шихова утверждает, что при тождестве значения, структуры и внутренней формы проблема принадлежности фразеологических единиц к интернациональным «может быть решена с учетом наличия или отсутствия общности источника происхождения фразеологической единицы» [7, с. 12].

Фразеологизмы, имеющие единый источник, называются «истинными» [3, с. 824], «генетически схожими» [18; 19], «возникшими по лингвомиграционной линии» [1, с. 105] интернационализмами.

К общим источникам фразеологизмов относят Библию, мифологию, легенды, исторические факты, произведения литературы либо определенный язык (латынь, греческий, английский и др.) [3, с. 824; 6, с. 26; 19, с. 17].

Лингвисты, поддерживающие идею о необходимости единства источников у интернациональных фразеологизмов, сводят процесс интернационализации только к заимствованию. Например, Я. Складана допускает возможность возникновения одинаковых или подобных фразеологизмов независимо друг от друга в разных языках в силу схожей «реакции человека на импульсы окружения, на одинаковые или подобные природные условия, климатические условия», однако интернациональными их не считает [3, с. 825].

Вместе с тем многие ученые полагают, что интернациональными могут быть и самостоятельно возникшие фразеологизмы. Критерий единства источника, по их мнению, значительно снижает объем интернационального фразеологического фонда² [1; 18; 19], неоправданно «исключает из интернациональной фразеологии наличие сходных фразеологизмов, возникающих в языках независимо друг от друга»³.

²Fojtů P. Frazеologické internacionalizmy v Ruštině. Olomouc, 2013.

³Ibid.

Их называют «самостоятельно возникшие» [1, с. 130; 6, с. 13], «типологически схожие» [18; 19], «близкие» [3, с. 824] интернационализмы, «интернациональные ареализмы», «регионализмы» [3, с. 824].

Э. М. Солодухо считает самостоятельное возникновение фразеологизмов в разных языках «одним из основных путей становления интернациональной фразеологии». Такие фразеологизмы, по мнению ученого, появляются на основе как реальных, логичных, так и воображаемых, нереальных, алогичных отношений, ситуаций, событий вследствие «определенных лингвистических и экстралингвистических универсалий человеческого существования» [1, с. 105]. В качестве примеров Э. М. Солодухо приводит фразеологизмы, возникшие в разных языках независимо друг от друга в силу сходных экономических и культурных условий: рус. *работать как лошадь* – чеш. *držet jako kůň* (букв. ‘работать как конь’) – англ. *to work like a horse* (букв. ‘работать как конь’) – нем. *arbeiten wie ein Pferd* (букв. ‘работать как конь’) ‘тяжело работать’; рус. *покупать коша в мешке* – чеш. *kupovat zajíce v pytli* (букв. ‘покупать зайца в мешке’) – нем. *die Katze im Sack kaufen* (букв. ‘кошку в мешке покупать’) – англ. *to buy a pig in a poke* (букв. ‘покупать свинью в мешке’), фр. *acheter chat en poche (sac)* (букв. ‘покупать кота в мешке’) ‘приобретать что-либо, не видя, не зная заранее ничего о качестве приобретаемого’. Ученый также выделяет группу фразеологических интернационализмов, появившихся на основе легенд, библейских сюжетов, но не упоминающихся в самих текстах. Такие фразеологизмы Э. М. Солодухо называет семантическими фразеологическими заимствованиями [1, с. 39], общий источник у которых условный, так как они образованы на базе «мотивировок – стимулов действительности (образов, реалий, ситуаций, событий и т. п.) как достояний иноязычных народов, но без опоры на какую-либо сложившуюся иностранную языковую форму, модель как таковую» [1, с. 140]. В качестве примера ученый приводит следующие выражения: рус. *идти в Каносу* – англ. *go to Canossa* (букв. ‘идти в Каносу’) – нем. *nach Canossa gehen* (букв. ‘в Каносу идти’) – фр. *aller a Canossa* (букв. ‘идти в Каносу’) ‘выразить покорность, поступившись своими принципами и унижившись перед противником’.

Определенная доля самостоятельно возникших фразеологизмов, ставших интернациональными, образовалась как результат взаимодействия народных выражений с библейскими текстами. Об этом свидетельствует различное толкование происхождения отдельных фразеологизмов учеными. Так, Т. М. Шихова предполагает, что русские фразеологизмы *в мгновение ока*, *беречь как зеницу ока*, *бросать жребий*, *бросить камень*, *копать яму* не являются заимствованиями из Евангелия, как принято считать, а возникли самостоятельно, отражая языческое видение мира. Библия, по мнению автора, «лишь способствовала актуализации образных символических сочетаний древнейшего времени» [7, с. 94]. Ученый думает, что «народные истоки» просматриваются и у фразеологизмов рус. *рыть (копать) яму* – бел. *капаць яму* – укр. *копати яму* ‘строить козни, причинять неприятность, вредить’, «употреблявшуюся уже в памятниках XI–XIII вв. в форме *копати яму*, *ров под кем-л.*» ‘подкапываться под кого-л., тайно злоумышлять’ [21, с. 293]. Т. М. Шихова также аргументирует свою точку зрения наличием «богатой вариативности фразеологизма» [7, с. 94] и пословиц: рус. *Кто другому яму роет, сам в нее ввалится; Не рой под людьми яму, сам ввалишься; Не рой другу ямы, сам попадешь*; бел. *Не капай на чалавека яму, сам упадзеш; Хто на другога яму капае, сам часта ў яе ўпадае*; укр. *Сліпий невидючого водив, та оба (обидва) в яму попадали*. Согласно мнению Л. И. Коломиец, данные фразеологические единицы восходят к Евангелию («...слепый если бы слепаго водил, обадва бы в яму впали» (Мф. 15:14)) и ветхозаветным книгам Библии («Кто роет яму, тот упадет в нее» (Притч., 26:27; Еккл. 10:3)) [22, с. 65–73].

Исходя из проведенного анализа, можно заключить, что факт наличия единого источника возникновения фразеологизмов зачислять в ранг одного из основных критериев при определении фразеологических интернационализмов нецелесообразно, поскольку он упрощает состав интернационального фразеологического фонда, выводит за его пределы значительную часть фразеологизмов, ставших общими в разных языках. Такой критерий возможен лишь как дополнительный, лишний раз подтверждающий интернациональность некоторой части фразеологизмов, но не обязательный. К тому же он не подходит для фразеологизмов, ставших интернациональными в результате заимствования, которые утратили особенности языка-донора либо потеряли связь со своими источниками. Учет общего источника важен при исследовании этимологии, заимствования, миграции фразеологизмов.

Третьим критерием интернациональности фразеологизмов является семантический критерий, который разные лингвисты называют тождеством семантики [11, с. 277–278] либо тождеством внутренней формы [1, с. 11], одинаковым планом содержания фразеологизмов [10, с. 14]. Э. М. Солодухо подчеркивает, что «недостаточность или полное отсутствие внешнего совпадения делает семантический анализ основным способом отождествления» [1, с. 12].

Под семантическим критерием понимается совпадение либо схожесть значений фразеологизмов в разных языках. Например, фразеологические единицы: рус. *бить (ударять) по карману* – бел. *біць (удараць) па кішэні* – англ. *hit sb in the wallet (pocketbook)* (букв. ‘ударять по кошельку’) полностью

тождественны в значении ‘причинять убыток, ущерб кому-л.’. Стоит обратить внимание на то, что интернациональные фразеологизмы могут быть полисемантическими. Примером являются многозначные интернациональные фразеологизмы: рус. *в глубине души (сердца)* – бел. *у глыбіні душы* – англ. *in the depths of one's soul (heart)* (букв. ‘в глубине души (сердца)’), имеющие два общих значения: 1) ‘внутренне, втайне’; 2) ‘подсознательно’. Фразеологизмы рус. *в руках кого, чьих, у кого* – бел. *у руках каго, чыіх* – англ. *in one's hands* (букв. ‘в чьих-то руках’) выражают три значения: 1) ‘в зависимом, подвластном положении (быть, находиться и т. п.)’; 2) ‘во владении, в распоряжении, в подчинении кого-л. (быть, находиться и т. п.)’; 3) ‘в наличии, непосредственно у кого-л.’; рус. *играть роль* – бел. *адыгрываць ролю* – англ. *play a role (a part)* (букв. ‘играть роль’) совпадают даже в четырех значениях: 1) ‘иметь то или иное значение’; 2) ‘иметь огромное значение; сильно, заметно влиять, воздействовать на что-л.’; 3) ‘быть, являться кем- или чем-л., выступать в качестве кого- или чего-л.’; 4) ‘притворяться, прикидываться кем- или чем-л., изображать из себя кого- или что-л.’. Таким образом, указанные интернациональные фразеологические параллели семантически тождественны во всех значениях.

Существуют также интернациональные фразеологизмы с семантическим тождеством только в одном из нескольких значений. В качестве примера можно привести следующие фразеологические единицы: рус. *во всяком случае (разе)* ‘1. При любых обстоятельствах. 2. Все-таки, однако.’ – бел. *ва ўсякім (у кожным) выпадку* ‘1. При любых обстоятельствах. 2. Все-таки, однако.’ – англ. *in any case (event)* (букв. ‘в любом случае’) ‘при любых обстоятельствах’. Данные фразеологизмы совпадают в первом значении, в то время как в русском и белорусском языках возник еще один семантический вариант.

Подобным примером являются следующие фразеологизмы: рус. *бездонная бочка* ‘1. *шутл.* Безграничный источник материальных ценностей. 2. *шутл.* Человек, который может выпить много спиртного, не пьянея’ – бел. *бяздонная бочка*: ‘1. *шутл.* Безграничный источник материальных ценностей. 2. *шутл.* Человек, который может выпить много спиртного, не пьянея’ – англ. *bottomless pit* (букв. ‘бездонный колодец’) ‘1. Бесконечный источник чего-л., обычно неприятностей. 2. Очень голодный человек. 3. Ад, преисподняя’. В данном случае многозначные фразеологизмы соотносятся в двух значениях, а у английского эквивалента появилось еще два дополнительных значения.

Приведенные выше фразеологизмы можно назвать интернациональными, несмотря на некоторые семантические расхождения, потому что у них есть хотя бы одно общее значение, к тому же на их интернациональный характер указывают и другие уже упомянутые критерии. Семантические различия объясняются тем, что в национальных языках семантика фразеологизмов проходит длительный этап развития, что приводит к ее изменениям.

Неоднозначным остается вопрос о том, можно ли относить фразеологические омонимы, существующие более чем в трех группах языков, к интернациональному фонду. Под фразеологическими омонимами нужно понимать фразеологизмы, «аналогичные по лексическому составу и грамматической организации, но имеющие совершенно разные значения вследствие индивидуально-языкового характера осмысления одного и того же образа» [23, с. 296].

Как отмечает Э. М. Солодухо, «материально тождественные интернациональные фразеологические единицы близкородственных языков могут иметь значительные семантические расхождения, нередко ведущие к межъязыковой омонимии» [1, с. 14]. По мнению исследователя, аналогично обстоит дело при отождествлении интернациональной фразеологии, характеризующейся лишь структурно-типологическим сходством. Такие интернационализмы ученый называет формальными и утверждает, что возникновение в языках омонимичных фразеологизмов-интернационализмов «преимущественно имеет закономерный характер и объясняется раздельным или совокупным действием определенных лингвистических и экстралингвистических факторов» [1, с. 102]. В качестве примеров Э. М. Солодухо приводит фразеологизмы англ. *win one's spurs* (букв. ‘победить свои шпоры’) ‘отличаться, добиваться известности, признания и т. п.’ и фр. *gagner les éperons* (букв. ‘победить свои шпоры’) ‘блестяще оправдывать надежды’, основанные на историческом образе, восходящем к «средневековому обычаю жаловать золотыми шпорами молодых людей, отличившихся при посвящении в рыцари» [1, с. 101], который подвергся своеобразному осмыслению в национальных языках. Важно, что данные фразеологизмы сближает наличие понятийного инварианта о достижении успеха. Именно общий понятийный инвариант является критерием причисления фразеологических омонимов к интернациональным. При наличии единой образной основы у значений фразеологизмов с расхождением в семантике существенную роль для определения интернациональности играет потенциальная возможность их семантического сближения.

Исследователь М. В. Мокиенко также считает фразеологические омонимы интернациональными при соблюдении критериев сходства формы [18, с. 28].

Э. М. Солодухо не отрицает и случайное развитие параллелизма форм различных фразеологизмов при полном расхождении их содержания, например: рус. *ставить на карту* ‘подвергать риску,

опасности что-л., обычно надеясь достичь, добиться чего-л.’ и фр. *mettre en carte* (букв. ‘положить в карту’) ‘регистировать (проститутку)’; рус. *матерный язык* ‘непристойная, мерзкая брань’ и англ. *the mother tongue* (букв. ‘матери язык’) ‘родной язык’ [1, с. 101]. Данное утверждение является спорным. Скорее всего, подобные фразеологизмы вряд ли можно назвать интернациональными, поскольку их значения не имеют общего стимула.

Таким образом, согласно третьему критерию, к интернациональным фразеологизмам можно отнести фразеологические единицы, семантически совпадающие полностью или хотя бы в одном значении. Фразеологические омонимы будут считаться интернациональными только при наличии общего образного инварианта значений. При нарушении данного условия фразеологизмы лишаются даже статуса формальной интернациональности.

Четвертый критерий – учет характера и количества языков, в которых функционирует фразеологизм, – выходит за рамки анализа собственно лингвистических свойств фразеологизмов. Данный вопрос интересовал всех, кто в той или иной степени занимался проблемами интернациональной фразеологии, но и на сегодня остается дискуссионным.

Принципиальной является проблема количества языков, в которых функционирует фразеологизм. Большинство лингвистов сходятся во мнении, что интернациональной имеет право считаться та фразеологическая единица, которая присутствует как минимум в трех языках⁴ [7, с. 12; 3, с. 824; 18, с. 56]. Принцип учета трех языков неслучаен: вероятно, он заимствован из лексикологии. При исследовании интернациональной лексики некоторые ученые также полагают, что минимальным количеством языков, свидетельствующим об интернациональности лексемы, являются три языка⁵ [24, с. 72; 25, с. 158].

Не все лингвисты разделяют эту точку зрения. В. В. Акуленко пишет, что интернационализмы встречаются «в четырех или более языках» [2, с. 26]. П. Фойту называет интернациональными такие фразеологические единицы, которые «встречаются в большинстве языков Европы, а их отсутствие в некоторых языках – это только случайная лакунарность»⁶.

Некоторыми учеными высказывается мнение, что свидетельством фразеологической интернациональности выступает «изоглосса, представленная двумя языками» [1, с. 12].

Еще одним спорным вопросом является учет степени родства языков, в состав которых входит интернациональный фразеологизм. Относительно этого можно встретить самые разные взгляды.

Так, одни лингвисты при определении интернациональности фразеологизма вообще не заостряют внимания на степени родства языков. Например, Н. И. Толстой высказывается весьма обтекаемо о «широком распространении фразеологизма» в разных языках, не указывая на степень близости сравниваемых языков [11, с. 277–278]. А. Э. Рыцарева утверждает, что интернациональным фразеологизмам обязательно нужно функционировать в трех «мировых языках»⁷, но не называет, в каких именно.

Вторая точка зрения сводится к тому, что языки, в которых усматривается фразеологический интернационализм, должны быть неродственными. Например, В. В. Акуленко к интернациональным относит фразеологизмы, «относящиеся по меньшей мере к трем семьям» [2, с. 26].

Третье мнение высказывают ученые, считающие интернациональными фразеологизмы, функционирующие в родственных языках. Ряд лингвистов ведут речь об интернациональности единиц только европейских языков, которые являются родственными по генеалогической классификации. Например, П. Фойту проводит исследование на материале интернациональных фразеологизмов многих славянских языков и предполагает во многих фразеологизмах наличие общеевропейского характера, считая возможным включать в интернациональный фонд фразеологизмы только языков Европы⁸. Л. И. Степанова и М. Янковичова также ограничивают ареал принадлежности интернациональных фразеологизмов до «всех или нескольких европейских языков» [19, с. 17; 20, с. 421]. Такую же позицию поддерживает Т. М. Шихова, в основу научной работы которой легли только близкородственные языки (русский, белорусский и украинский), допуская интернациональность фразеологизмов общего фонда языков «индоевропейских народов» [7, с. 67]. В качестве примера автор приводит следующие интернациональные фразеологизмы: рус. *продать свое первородство за чечевичную похлебку* – укр. *продатися за миску сочевиці* – бел. *за сачавічную поліўку* [7, с. 267]. Такие выражения есть также и в других языках мира, например: англ. *sell for a mess of pottage* (букв. ‘продать за чечевичную похлебку’) –

⁴Рыцарева А. Э. Прагмалингвистический аспект интернациональной лексики (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Волгоград, 2002. С. 23.

⁵Там же. С. 24.

⁶Fojtů P. Frazologické internacionalizmy v Ruštině. Olomouc, 2013.

⁷Рыцарева А. Э. Прагмалингвистический аспект интернациональной лексики (на материале английского языка). С. 24.

⁸Fojtů P. Frazologické internacionalizmy v Ruštině. Olomouc, 2013.

нем. *sein Erstgeburtsrecht für ein Linsengericht verkaufen* (букв. ‘свое право первородства за чечевичную похлебку продать’) – итал. *vendersi per un piatto di lenticchie* (букв. ‘продать себя за тарелку чечевицы’).

Четвертая точка зрения, высказываемая большинством ученых, заключается в том, что языки могут быть как родственными (близкородственными и дальнеродственными), так и неродственными. Например, Э. Пириайнен считает, что интернациональные фразеологизмы являются таковыми при наличии их «в самых разных языках, включая географически отдаленные и генетически неродственные языки» [4, с. 62]. С. Б. Берлизон указывает, что интернациональные фразеологизмы входят в состав языков, принадлежащих к разным ареалам, и такие языки могут быть не только неродственными, но и дальнеродственными [6]. Д. Н. Шмелев также причисляет к интернациональным фразеологизмы, «представленные в различных, причем не в ближайше родственных, языках» [26, с. 265]. Э. М. Солодухо полагает, что к интернациональным допустимо причислять фразеологизмы не только из неродственных и дальнеродственных, но и близкородственных языков [1, с. 45].

Обобщив мнения ученых, можно сделать вывод, что включение в минимальный перечень только близкородственных языков для определения интернациональности фразеологизма представляется недостаточным. Эквивалентные фразеологические единицы могут появляться в трех или более языках одной языковой группы, не выходя за ее пределы. Например, фразеологизм *переливать из пустого в порожнее* присутствует более чем в трех славянских языках: бел. *пераліваць з пустога ў парожняе* – пол. *przelewać z pustego w próżne* (букв. ‘переливать из пустого в порожнее’) – чеш. *z pustého v prázdno prelivati* (букв. ‘из пустого в порожнее переливать’) – болг. *переливам от пусто в празно* (букв. ‘переливать из пустого в порожнее’) и т. д., однако ни в одном языке неславянской группы он не встречается. Поэтому причислять его к интернациональным фразеологизмам нет оснований.

Наиболее убедительным показателем при определении интернациональности фразеологизма является его функционирование в неродственных либо дальнеродственных языках. Примерами фразеологизмов в дальнеродственных языках выступают рус. *синий чулок* – англ. *blue stocking* (букв. ‘синий чулок’) – фр. *bas bleu* (букв. ‘синий чулок’), представленные в трех языках разных групп: славянской, германской и романской. Из английского фразеологизм был калькирован, например, в близкородственный немецкий язык (*blauer Strumpf* (букв. ‘синий чулок’) и дальнеродственные белорусский и чешский языки (*сіняя панчоха*, *modrá punčocha* (букв. ‘синий чулок’)). Фразеологизм *волосы встают дыбом* присутствует не только в дальнеродственных языках, например, англ. *hair stands on end* (букв. ‘волосы стоят на концах’) – фр. *à faire se dresser les cheveux sur la tête* (букв. ‘делать волосы стоящими на голове’), но и в неродственных: фин. *hiukset nousevat pystyyn* (букв. ‘волосы поднятые стоят’) – казах. *шаи тік тұрды* (букв. ‘волосы встали прямо’).

Таким образом, фразеологическая единица считается интернациональной, если она есть как минимум в трех языках трех языковых групп, принадлежащих одной и той же либо разным языковым семьям. Под языковой группой понимается «совокупность родственных языков, составляющих ветвь языковой семьи (например, славянская, романская, германская группы языков)» [27, с. 118]. Так, фразеологизм *посыпать голову (главу) пеплом* является интернациональным, так как присутствует во многих славянских языках: бел. *пасыпаць галаву пеплам* – пол. *posypać głowę popiełem* (букв. ‘посыпать голову пеплом’) – укр. *посипати (присипати) попелом голову (голови)* – чеш. *posypeme hlavou popelem* (букв. ‘посыпать голову пеплом’); в германских: англ. *sprinkle ashes upon one’s head* (букв. ‘посыпать голову (главу) пеплом’) – нем. *sich Asche aufs Haupt streuen* (букв. ‘себе пеплом на голову сыпать’); в романском: итал. *cospargersi il capo di cenere* (букв. ‘посыпать голову пеплом’); в греческом: греч. *κράτῳς ὑπερθε κόριν ἄ. anth* (букв. ‘посыпать голову пеплом’). Другим примером выступает фразеологизм *правая рука*, который присутствует в славянской группе языков: бел. *правая рука* – укр. *права рука*; германской: англ. *right hand (arm)* (букв. ‘правая рука’) – нем. *die rechte Hand* (букв. ‘правая рука’); романской: исп. *mano derecha* (букв. ‘рука правая’); в других языковых семьях, в частности, в уральской: венг. *jobb keze* (букв. ‘правая рука’); тюркской: тур. *sağ kolu* (букв. ‘правая рука’).

Заключение

Таким образом, в определении интернациональности фразеологизма применимо несколько критериев. К обязательным относятся тождество или подобие формы, семантическое сходство хотя бы в одном значении, функционирование как минимум в трех языках трех языковых групп, принадлежащих одной и той же языковой семье либо разным семьям. Нетождественность формы интернациональных фразеологизмов в разных языках является следствием лингвистических и экстралингвистических факторов. Семантические расхождения могут наступать в результате развития фразеологической полисемии и (гораздо реже) омонимии в отдельных национальных языках. Критерий общего источника происхождения фразеологизмов является факультативным, так как интернациональный фонд фразеологизмов не ограничивается лишь кальками и заимствованиями без перевода, а включает также самостоятельно возникшие фразеологизмы.

Библиографические ссылки

1. Солодухо ЭМ. *Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп)*. Ахунзянов ЭМ, Бакеева ДХ, редакторы. Казань: Издательство Казанского университета; 1982. 168 с.
2. Акуленко ВВ. *Вопросы интернационализации словарного состава языка*. Федоров АВ, редактор. Харьков: Издательство Харьковского университета; 1972. 215 с.
3. Складана Я. Сопоставление некоторых словацких и русских фразем в диахроническом аспекте. В: Komendová MJ, editor. *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2006. s. 823–826.
4. Piirainen E. «Widespread Idioms in Europe and beyond»: benefits for language worldview? В: Фурашова НВ, редактор. *Универсальное и национальное в языковой картине мира. Материалы III Международной научной конференции; 13–14 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2018. с. 12–20.
5. Nefedova LA. On the use of interphraseologisms in the journalistic discourse of German and Russian linguocultures. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*; 2014;154:130–137. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.10.124.
6. Берлизон СБ. Международные устойчивые обороты: к вопросу интернациональной фразеологии. В: Ройзензон ЛИ, редактор. *Вопросы фразеологии, стилистики и грамматического строя романо-германских языков*. Самарканд: Самаркандский государственный университет имени А. Навои; 1972. с. 10–28. (Труды Самаркандского государственного университета имени А. Навои; выпуск 222).
7. Шихова ТМ. *Интернациональная фразеология в диахроническом и синхроническом аспектах*. Архангельск: Издательство Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова; 2005. 277 с.
8. Лепешаў ІА. *Фразеалогія сучаснай беларускай мовы*. Мінск: Вышэйшая школа; 1998. 271 с.
9. Даниловіч МА. *Слова і фразеалагізм у беларускай мове*. Гродна: ЮрСаПрынт; 2015. 300 с.
10. Солодуб ЮП. *Современный русский язык: лексика и фразеология*. Москва: Флинта; 1985. 259 с.
11. Толстой НИ. О реконструкции праславянской фразеологии. В: Академия наук СССР. *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов; август 1973 г.; Варшава, Польша. Доклады советской делегации*. Москва: Советский комитет славистов; 1973. с. 272–293.
12. Бабкин АМ, Шендецов ВВ. *Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. Том 2*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Квотам; 1994. 506 с.
13. Шанский НМ. *Фразеология современного русского языка*. 3-е издание. Москва: Высшая школа; 1985. 160 с.
14. Балли Ш. *Французская стилистика*. Эткинд ЕГ, редактор; Долинина КА, переводчик. 2-е издание. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. 392 с.
15. Пустошило ЕП. *Лексикология. Фразеология. Лексикография*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2011. 141 с.
16. Кунин АВ. *Курс фразеологии современного английского языка*. 2-е издание. Москва: Высшая школа; 1996. 381 с. Совместно с издательством «Феникс».
17. Реформатский АА. *Введение в языковедение*. 5-е издание. Москва: Аспект Пресс; 2004. 536 с.
18. Мокиенко ВМ. *Образы русской речи. Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1986. 280 с.
19. Степанова ЛИ. Динамические процессы в интернациональной фразеологии. В: Vobořil L, editor. *Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2007)*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2008. s. 17–21.
20. Янковичова М. Русские фраземы с компонентами-символами и европейский фразеологический фонд. В: *Rossica Olomucensia XL (za rok 2001). 2 část*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2002. s. 421–426.
21. Филин ФП, Богатова ГА, редакторы. *Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 7*. Москва: Наука; 1980. 404 с.
22. Коломиец ЛИ. Об истоках фразеологии восточных славян. В: Ройзензон ЛИ, редактор. *Вопросы фразеологии. Выпуск 7*. Самарканд: Самаркандский государственный университет имени А. Навои; 1975. с. 65–73. (Труды Самаркандского государственного университета имени А. Навои. Новая серия; выпуск 277).
23. Дьёрке З. Явление межязыковой русско-венгерской фразеологической омонимии и его отражение в двуязычной фразеологии. *Проблемы истории, филологии, культуры*; 2009;2:293–301.
24. Ярцева ВН. *История английского литературного языка IX–XV вв.* Москва: Наука; 1985. 248 с.
25. Орлова НЛ. Способы преодоления переводческих ошибок интернациональной и псевдоинтернациональной лексики. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2013;5(2):159–162.
26. Шмелев ДН. *Современный русский язык. Лексика*. Москва: Прогресс; 1977. 335 с.
27. Жукова ИН, Лебедев МГ, Прошина ЗГ, Юзefович НГ. *Словарь терминов межкультурной коммуникации*. Лебедев МГ, Прошиной ЗГ, редакторы. Москва: Флинта; 2013. 263 с. Совместно с издательством «Наука».

References

1. Soloduho JeM. *Problemy internatsionalizatsii frazeologii (na materiale yazykov slavyanskoi, germanskoi i romanskoi grupp)* [Problems of internationalization of phraseology (based on the material of the Slavic, Germanic, and Romance languages)]. Akhunzyanov EM, Bakeeva DX, editors. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta; 1982. 168 p. Russian.
2. Akulenko VV. *Voprosy internatsionalizatsii slovarnogo sostava yazyka*. [Questions of internationalization of the vocabulary of the language]. Fedorov AV, editor. Kharkiv: Izdatel'stvo Khar'kovskogo universiteta; 1972. 215 p. Russian.
3. Skladana Ja. [Comparison of some Slovak and Russian phrases in a diachronic aspect]. Komendová MJ, editor. *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2006. s. 823–826. Russian.
4. Piirainen E. «Widespread Idioms in Europe and beyond»: benefits for language worldview? In: Furashova NV, editor. *Universal'noe i natsional'noe v yazykovoi kartine mira. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 13–14 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Universal and national in the language image of the world. Materials of the 3rd International scientific conference; 2017 October 13–14; Minsk, Belarus]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2018. p. 12–20.

5. Nefedova LA. On the use of interphraseologisms in the journalistic discourse of German and Russian linguocultures. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014;154:130–137. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.10.124.
6. Berlizon SB. [International sustainable momentum: the issue of international phraseology]. In: Roizenzon LI, editor. *Voprosy frazeologii, stilistiki i grammaticheskogo stroya romano-germanskikh yazykov* [Questions of phraseology, stylistics and grammatical structure of the Romano-Germanic languages]. Samarkand: A. Navoi Samarkand State University; 1972. p. 10–28. (Proceedings of Samarkand State University after A. Navoi; Issue 222). Russian.
7. Shihova TM. *Internatsional'naya frazeologiya v diakhronicheskom i sinkhronicheskom aspektakh* [International phraseology in diachronic and synchronic aspects]. Arkhangel'sk: Publishing House of Pomor State University named after M. V. Lomonosov; 2005. 277 p. Russian.
8. Lepeshau I. Ya. *Frazeologiya suchasnaj belaruskaj movy* [Phraseology of the modern Belarusian language]. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 1998. 271 p. Belarusian.
9. Danilovich MA. *Slova i frazealogizm u belaruskaj move* [The word and phraseological unit in the Belarusian language]. Hrodna: YURSaPrynt; 2015. 300 p. Belarusian.
10. Solodub JuP. *Sovremennyy russkij yazyk: leksika i frazeologiya* [Modern Russian language: lexical units and phraseology]. Moscow: Flinta; 1985. 259 p. Russian.
11. Tolstoj NI. [To the reconstruction of the old Slavic spiritual culture]. In: Academy of Science of the USSR. *Slavyanskoe yazykoznanie. VII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov; avgust 1973 g.; Varshava, Pol'sha. Doklady sovet'skoi delegatsii*. [Slavic linguistics. VII International Congress of Slavists; 1973 August; Warsaw, Poland. Reports of the Soviet delegation.]. Moscow: Sovetskii komitet slavistov; 1973 p. 272–293. Russian.
12. Babkin AM, Shendecov VV. *Slovar' inoyazychnykh vyrazhenii i slov, upotreblayushchikhsya v russkom yazyke bez perevoda. Tom 2* [Dictionary of foreign language expressions and words, used in Russian without translation. Volume 2]. 2nd edition. Saint Petersburg: Kvotam; 1994. 506 p. Russian.
13. Shanskij NM. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. 3rd edition. Moscow: Vysshaya shkola; 1985. 160 p. Russian.
14. Bally Ch. *Traité de stylistique Française*. Paris: Georg & cie; 1951. 595 p.
Russian edition: Bally Ch. *Francuzskaya stilistika*. Etkind EG, editor; Dolinina KA, translator. 2nd edition. Moscow: Editorial URSS; 2001. 392 p. Russian.
15. Pustoshilo EP. *Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya* [Lexicology. Phraseology. Lexicography]. Hrodna: Yanka Kupala Grodno State University; 2011. 141 p. Russian.
16. Kunin AV. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka* [The course of phraseology of modern English]. 2nd edition. Moscow: Vysshaya shkola; 1996. 381 p. Russian. Co-published by the «Feniks».
17. Reformatskij AA. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. 5th edition. Moscow: Aspekt Press; 2004. 536 p. Russian.
18. Mokenko VM. *Obrazy russkoi rechi. Istoriko-etimologicheskie i etnolingvisticheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech. Historical etymological and ethnolinguistic outlines on phraseology]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1986. 280 p. Russian.
19. Stepanova LI. [Dynamic processes in international phraseology]. In: Vobořil L, editor. *Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2007)*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2008. s. 17–21. Russian.
20. Jankovichova M. [Russian phrasemes with components-symbols and the European phraseological fund]. In: *Rossica Olomucensia XL (za rok 2001). 2 část*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého; 2002. s. 421–426. Russian.
21. Filin FP, Bogatova GA, editors. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vypusk 7* [Dictionary of the Russian language of the 11th–18th centuries. Issue 7]. Moscow: Nauka; 1980. 404 p. Russian.
22. Kolomic L. [On the origins of the phraseology of the Eastern Slavs]. In: Roizenzon LI, editor. *Voprosy frazeologii. Vypusk 7* [Questions of phraseology. Issue 7]. Samarkand: A. Navoi Samarkand State University; 1975. p. 65–73. (Proceedings of the Samarkand State University named after A. Navoi. New series; issue 277). Russian.
23. Dyorka Z. Inter-linguistic Russian-Hungarian phraseological homonymy and its reflection in bilingual phraseography. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2009;2(24):293–301. Russian.
24. Jarceva VN. *Istoriya angliiskogo literaturnogo yazyka IX–XV vv.* [History of the English literary language 9th–15th centuries]. Moscow: Nauka; 1985. 248 p. Russian.
25. Orlova NL. [Ways to overcome translation errors in international and pseudo-international vocabulary]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. 2013;5(2):159–162. Russian.
26. Shmel'ov DN. *Sovremennyy russkij yazyk. Leksika* [Modern Russian language. Lexical units]. Moscow: Progress; 1977. 335 p. Russian.
27. Zhukova IN, Lebed'ko MG, Proshina ZG, Juzefovich NG. *Slovar' terminov mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Dictionary of terms of intercultural communication]. Lebed'ko MG, Proshinoy ZG, editors. Moscow: Flinta; 2013. 263 p. Co-published by the «Nauka». Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.11.2020.
Received by editorial board 30.11.2020.